

Музей

Автор:

Евгений Водолазкин

Музей

Евгений Германович Водолазкин

Сестра четырех #3

«Музей» – третья пьеса в сборнике Евгения Водолазкина «Сестра четырех».

«Пьеса “Музей” – не историческая и не социальная. Это не “история”, а, выражаясь по-лермонтовски, “история души”. Точнее – двух душ. Жанр я определяю как трагифарс – но с развитием действия фарс испаряется, остается трагедия. Грустная повесть о том, как – по Гоголю – поссорились “два единственные человека, два единственные друга”.

Герои – Сталин и Киров, место и время действия – СССР тридцатых годов. Я мог бы их назвать, допустим, Соловьевым и Ларионовым, но тогда пришлось бы долго объяснять, что один – волевой, а другой – не очень; я был бы рад поместить моих героев на Луну образца 2020 года, но тогда требовалось бы рассказать, отчего в этот момент там сложилась такая безрадостная атмосфера. Обычно я избегаю писать об исторических лицах, потому что реальный контекст отвлекает. Речь ведь идёт не о конкретных людях, а о человеческих типах».

Евгений Водолазкин

Евгений Водолазкин

Музей

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ, секретарь Ленинградского комитета ВКП(б)

МАРИЯ ЛЬВОВНА МАРКУС, соратница С. М. Кирова

МИЛЬДА ДРАУЛЕ, сотрудница советских и партийных органов

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ НИКОЛАЕВ, муж Мильды Драуле

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН, секретарь ЦК ВКП(б)

АЭРОПЛАН, перевоспитанная

ФИЛИПП ДЕМЬЯНОВИЧ МЕДВЕДЬ, начальник Ленинградского управления НКВД

СУОМАЛАЙНЕН-ТЮНККЮНЕН, секретарь С. М. Кирова

ЗАРУБАЕВ, директор Музея С. М. Кирова

СИСЯЕВА, сотрудница Музея С. М. Кирова

ВРАЧ

Действие первое

Сцена первая

Кабинет в квартире Кирова. Вдоль стен шкафы с книгами. Над дверью висит ружье, рядом – чучело орла. На полу лежит шкура белого медведя. Кресла и диван задрапированы на манер ленинского кабинета. Входят Киров и Маркус. Киров только что с улицы. Бросает на кресло портфель и поворачивается к Маркусу.

КИРОВ. Вот я и дома. На съезде хорошо, а дома лучше. Ну, Мария Львовна, рассказывай, как живешь.

МАРКУС (грустно). Рассказываю. Ждала тебя, Сергей Миронович, а ты всё не приходил. И знаешь, что я делала?

КИРОВ. Ну, что? Чулок вязала?

МАРКУС. Я сидела и считала.

КИРОВ. Раз, два, три, четыре, пять. Вышел зайчик...

МАРКУС. Погулять.

КИРОВ (старательно дышит на руки). Простыл я в Москве, никак не могу согреться.

МАРКУС. Погулять, Сережа. «Красная стрела» приходит в девять.

КИРОВ. А может, инфлюэнца... Так ведь не говорят уже, верно?

МАРКУС. Сейчас половина двенадцатого.

КИРОВ. Говорят – грипп. По-дурацки звучит, честное слово. А раньше красиво – инфлюэнца.

МАРКУС. А что же ты делал с девяти до половины двенадцатого? Может, ты с вокзала пешком шел?

КИРОВ (натужно смеется). Чего еще придумала! Знаешь ведь, что не пешком.

МАРКУС. А я всё посчитала. Пешком ты бы уже два раза дошел. Где же ты был, Сергей Миронович?

КИРОВ. Да в Смольном, где же еще! Заезжал в Смольный за бумагами.

МАРКУС. В Смольный... Раньше ты ездил на охоту. Ты очень любил охотиться под Лугой, пока там работала Мильда Драуле. А теперь ты перевел ее поближе и... (Делает движение рукой.)

КИРОВ. Что - и...? Ну, договаривай!

МАРКУС.... и едешь охотиться в Смольный.

КИРОВ. Да не я Драуле в Ленинград переводил.

МАРКУС. Сама перевелась. Ты ведь во всем комфорт любишь. Стоишь на охоте, покуливаешь, а егеря для тебя дичь сгоняют. Понравилась Драуле - получите, с доставкой в Смольный.

КИРОВ. Оставь Драуле в покое, ясно? И вообще заткни шарманку. Может, прикажешь еще перед тобой оправдываться?

МАРКУС. Да уж зачем, я тебе - кто? Так, сожительница. Почему за столько лет ты на мне так и не женился? А я знаю. Не нужна я тебе, ты кого-нибудь получше ищешь. Я ведь всех твоих баб наперечет знаю.

КИРОВ. Ну и дура ты, Маша. Да за столько лет неужто бы я лучшей не нашел, сама подумай! Ведь любая из них лучше тебя. Ты только не обижайся.

МАРКУС. Я - материал отработанный. Старая, глупая.

КИРОВ. Притом истеричка. Говорю же тебе как человеку: брак - явление временное, буржуазный пережиток. Брак отомрет, а мы с тобой женатыми окажемся. Вот будет положение, а? Подожди-ка минуту, прочту тебе кое-что о

браке. (Подходит к книжному шкафу, снимает с полки книгу, за ней стоит бутылка водки.) Маша, здесь кто-то водку поставил.

МАРКУС. Поздравляю.

КИРОВ. Нет, серьезно: бутылка водки, притом открытая. Что все это значит?

МАРКУС. Надо думать, открыл кто-то.

Звонит телефон, Киров снимает телефонную трубку.

КИРОВ. Киров на проводе.

МАРКУС (в сторону). Вопрос лишь в том, кто ее открыл.

ГОЛОС СУОМАЛАЙНЕН-ТЮНККЮНЕН (задорно). Говорит Суомалайнен-Тюнккюнен. С приходом, товарищ Киров! В Смольном вас ждут – не дождутся. Что передать товарищам?

КИРОВ. Товарищам?

ГОЛОС С.-Т. Да!

КИРОВ. А просто передайте.

МАРКУС (в сторону). В Смольном его до сих пор ждут – не дождутся.

ГОЛОС С.-Т. Значит, просто передам.

МАРКУС. А кое-кто, получается, уже дождался.

КИРОВ. Товарищ Суомалайнен-Тюнккюнен, вы схватываете на лету.

ГОЛОС С.-Т. А вы, товарищ Киров, уж если что-то скажете, то – не в бровь, а в глаз.

КИРОВ. Да, именно туда. Конец связи.

МАРКУС. Конец связи. Мы непременно должны добиться конца этой связи. Сережа...

КИРОВ. Что?

МАРКУС. Я видела сон.

КИРОВ. О, Господи! Еще один?

МАРКУС. Крайне неприятный.

КИРОВ. Тебя знаешь, как в Смольном называют?

МАРКУС. Мне все равно.

КИРОВ. Верой Павловной. Ты бы хоть посторонним своих снов не рассказывала.

МАРКУС. Мне снилось, Сережа, что ты едешь в «Красной стреле».

КИРОВ. Чудовищно

МАРКУС. И в вагоне открыты окна. Твои волосы трепещут на ветру. Внезапно в вагон влетают сотни хищных птиц и склеывают тебя.

КИРОВ. Как, совсем?

МАРКУС. Нет, они оставили скелет. В «Красной стреле», Сережа, продолжал ехать твой белый скелет.

ГОЛОС С.-Т. Как все-таки важно закрывать в вагоне окна.

МАРКУС. Сережа.

КИРОВ. Ну, что еще?

МАРКУС. Я ведь стараюсь, Сережа. Я ведь очень стараюсь тебе соответствовать. Мечтаю, чтобы в твоём будущем музее нашёлся бы уголок и для меня.

КИРОВ. Каком ещё музее?

ГОЛОС С.-Т. Настоящему вождю положен музей.

МАРКУС. Вот я и веду себя как жена вождя, разве ты не видишь? Общественную нагрузку имею.

КИРОВ. Ох, Маша, Маша... Лучше бы ты её не имела. Лучше бы уж сны видела, честное слово.

МАРКУС. Общественная нагрузка не мешает мне видеть сны. Организованное мной учреждение...

ГОЛОС С.-Т. Профилакторий для перевоспитания проституток. Положа руку на сердце, это настораживает общественность.

КИРОВ. И что это за платные экскурсии по профилакторию?

МАРКУС. Ничего не знаю об экскурсиях.

ГОЛОС С.-Т. Информация к размышлению: их посещают одни мужчины. Од-ни муж-чи-ны.

Открывается дверь, неслышно входит Аэроплан.

КИРОВ. Мужчины? (Оборачивается, с удивлением смотрит на Аэроплан.)

ГОЛОС С.-Т. Одни!

АЭРОПЛАН. Здравствуй, товарищ Киров. Такая у нас с тобой встреча неожиданная...

КИРОВ. Кто это, Маша?

АЭРОПЛАН. Позвольте представиться: Аэроплан.

МАРКУС. Она – перевоспитанная. Тоже сны вещице видит.

АЭРОПЛАН. Очень даже!

КИРОВ. Аэроплан? Это имя?

АЭРОПЛАН. Призвание. Шучу – кликуха. Вполне современно, по-моему. Ты, товарищ, мечтал в детстве летать?

КИРОВ (Маркус, хмуро). Я же просил не водить к нам в дом всю эту шушеру.

МАРКУС. Но она ведь перевоспитанная!

АЭРОПЛАН. Он, кажется, этого не осознает.

КИРОВ. Никаких перевоспитанных!

АЭРОПЛАН. Бука!

МАРКУС. В конце концов, это не по-большевистски.

КИРОВ. Не по-большевистски? А ты представляешь себе, чтобы Крупская проституток перевоспитывала? Что бы ей на это Ильич сказал?

ГОЛОС С.-Т. Думаю, Ильич не возражал бы.

АЭРОПЛАН. Он только рад был бы, твой Ильич. Так уже его эта Крупа достала, а Ильич – он был мужчинка в самом соку.

ГОЛОС С.-Т. Говорят, все лысые – страстные.

АЭРОПЛАН. И ему – ты представь – каждый день такую жабу видеть. Затоскуешь! А результат – революция. Революции ведь не от хорошей жизни делаются. Вот ты, товарищ Киров, смог бы ты конкретно товарищ Крупскую...

КИРОВ. Что?

АЭРОПЛАН. Поцеловать!

КИРОВ. Ну, знаете...

АЭРОПЛАН. То-то. А меня, чувствую, смог бы.

МАРКУС (полуобняв Аэроплан). Это уж точно. Такая красавица!

АЭРОПЛАН. Ох, смог бы! Жаль, перевоспиталась я.

КИРОВ. Да чего мне целоваться-то? Что, у меня другой работы нет?

АЭРОПЛАН. А это уже комчванство.

МАРКУС. Ты посмотри на ее грудь!

КИРОВ (смотрит). Ну, допустим, посмотрел.

МАРКУС. На ее бедра!

АЭРОПЛАН. Комчванство, чистой воды комчванство!

ГОЛОС С.-Т. К вопросу о комчванстве. Разрешите доложить случай из личной жизни. Мне вот на днях поступило, как говорится, предложение, так не знаю, что с ним и делать. Дельный товарищ, сам с Камчатки. Это ничего, что с

Камчатки, хуже, что болен комчанством. Так загордился членством в партии...
Ну, просто оч-чень!

АЭРОПЛАН. Ужас, ужас!

КИРОВ. Мы ему быстро крылышки обрежем.

ГОЛОС С.-Т. Уж обрежьте, пожалуйста! Поймайте и – обрежьте!

МАРКУС. Мужчина и женщина...Всё старо, как мир.

КИРОВ. Вот я тут хотел одну цитату привести... (Подходит к книжному шкафу, достает книгу, за ней стоит банка соленых огурцов. В один из огурцов воткнута вилка.) Маша, здесь соленые огурцы.

МАРКУС. Соленые огурцы?

АЭРОПЛАН (достает огурец на вилке, пробует). Малосольные.

МАРКУС. Мне, товарищи, не по себе.

АЭРОПЛАН. Так. Главное – не паниковать. Вы случайно здесь водки не находили?

КИРОВ. Находили. А как вы догадались?

АЭРОПЛАН. Посредством умозаключения. Если где-то обнаруживаются малосольные огурцы, можно со всей ответственностью предположить, что рано или поздно поблизости окажется и водка.

ГОЛОС С.-Т. У нее хорошая интуиция.

Киров показывает водку.

АЭРОПЛАН. Только это самое... Водку попробовать надо.

МАРКУС. Я боюсь. Вдруг мы все здесь отравимся? И утром найдут лишь три холодных тела... Давайте неизвестную жидкость просто выльем.

АЭРОПЛАН. Еще чего! Ладно, эту жидкость я выпью одна. Тем более, что я уже все равно съела огурец. (Достает из книжного шкафа стопку и наливает себе водки.)

МАРКУС. Не надо, слышишь! Найдут одно холодное тело, что также неприемлемо. В доме Сергей Мироныча – холодное тело.

АЭРОПЛАН. Тетя Маша! Кто-то же должен это сделать. (Выпивает.)

КИРОВ И МАРКУС. Ну, как?

АЭРОПЛАН (закусывая огурцом). Приемлемо. Только вкус горьковатый и в горле дерет.

КИРОВ. Ну, для водки это дело обычное.

АЭРОПЛАН. Правда? А то – когда опыта никакого, очень легко сделать что-то не то. Да хоть бы и отравиться – права тетя Маша. Ведь отсутствие опыта способно привести к отравлению.

КИРОВ (рассматривая бутылку). Где-то я эту бутылку уже видел.

МАРКУС. Мало ли бутылок видит в жизни человек.

АЭРОПЛАН. Попробуй, товарищ Киров, мое тело: оно еще не холодное?

КИРОВ (пробует). Нет, теплое.

АЭРОПЛАН. А мягкое?

КИРОВ (пробует). Местами.

АЭРОПЛАН. Похоже, я все еще жива.

КИРОВ (продолжает рассматривать бутылку). Смотрите: клеймо с номером один. Мне эту бутылку на открытии водочного завода подарили. Вот только почему она открыта?

АЭРОПЛАН. Да потому и открыта, что на открытии подарили! Все объясняется само собой.

КИРОВ. Нет, что-то здесь не сходится. Маша...

МАРКУС. Я к водке сроду не прикасалась.

АЭРОПЛАН. Вспомнила! Это я открыла. Зачем, думаю, вождю лишняя морока – бутылку открывать? Поставлю-ка ее, думаю, за ленинским собранием сочинений.

КИРОВ. По каким же соображениям – за ленинским?

АЭРОПЛАН. По идеологическим. А кроме того оно – большое, за ним много предметов поместится.

КИРОВ. Вы, товарищ Аэроплан, напрасно ленинским собранием прикрываетесь.

АЭРОПЛАН. Послушай, давай на «ты», а, товарищ Киров? А то я тебе все «ты» да «ты», а ты меня вроде как стесняешься.

ГОЛОС С.-Т. Наш Мироныч беда какой скромный.

КИРОВ (потупясь). Есть маленько. Так про меня и на съезде говорили.

МАРКУС. Расскажи, Сережа, о съезде. Нам ведь это тоже важно. (Обнимает Аэроплан.)

АЭРОПЛАН. У нас в профилактории этим съездом живо интересуются.

КИРОВ. Да чего там рассказывать, съезд как съезд.

АЭРОПЛАН. Кто кого съест. Ты не стесняйся, товарищ Киров, здесь все свои.

МАРКУС. Все свои, Сережа.

ГОЛОС С.-Т. Все свои.

КИРОВ. Мне на съезде предложение поступило.

ГОЛОС С.-Т. И вам поступило? Не от товарища ли с Камчатки? Очень он, скажу я вам, деятельный.

КИРОВ. От Косиора и других товарищей. Они предлагают ввести пост генерального секретаря партии.

АЭРОПЛАН. Одобряю. Смело вводи, товарищ Киров.

КИРОВ. Не получается. Штука ведь в том, что этот пост они мне предлагают. И выйдет тогда, что товарищ Сталин просто секретарь, а я секретарь генеральный.

АЭРОПЛАН. Да, в такой ситуации лучше не вводить. То-то мне, Мария Львовна, сон снился. Государственный.

ГОЛОС С.-Т. У нее очень содержательные сны.

АЭРОПЛАН. Приснилось мне, значит, что стоят рядом товарищ Сталин с товарищем Кировым. Соратники. Друзья. У товарища Сталина в руках серп, а у товарища Кирова – молот.

КИРОВ. Ну – и?..

АЭРОПЛАН. Тут товарищ Сталин у товарища Кирова тихо так спрашивает: «Ты, товарищ, мне свой молот не одолжишь на минуту? Очень нужен». Товарищ Киров без лишних слов протягивает ему молот. Потрепал его товарищ Сталин по

плечу и молотом по голове – хрясь.

КИРОВ. Это – все?

АЭРОПЛАН. Нет. Собрал он твои, товарищ Киров, личные вещи и положил в красноармейский вещмешок. «Отдам, – говорит, – в музей Кирова Сергея Мироновича на ответственное хранение». А потом взял серп и отрезал тебе голову.

КИРОВ. Просто бред какой-то.

АЭРОПЛАН. «Заспиртую, – говорит, – и буду в свободную минуту любоваться. А то, – говорит, – в Ленинграде есть Кунсткамера, а у нас в Москве – нет. Мы, говорит, по части культуры от ленинградцев сильно отстаем».

МАРКУС. Может, и вправду музей Кирова откроет?

ГОЛОС С.-Т. Настоящему вождю положен музей.

АЭРОПЛАН. Взял товарищ Сталин голову Сергей Мироныча и говорит ей: «Ленинградская парторганизация проявляет политическую близорукость. Среди экспонатов Кунсткамеры – ни одного члена ЦК. Ни в одной банке».

МАРКУС. А ведь правда, Сережа: ни в одной.

АЭРОПЛАН. «Мы, – говорит, – создадим Кунсткамеру нового типа».

Сцена вторая

Николаев и Драуле в своей квартире. Обстановка аскетическая. На стене портреты вождей, над ними – мишень.

НИКОЛАЕВ. Мильда Драуле, где ты была сегодня утром?

ДРАУЛЕ. Это допрос?

НИКОЛАЕВ. Да.

ДРАУЛЕ. Сегодня утром я была на работе.

НИКОЛАЕВ. И что ты там делала?

ДРАУЛЕ (глядя на Николаева в упор). Работала.

НИКОЛАЕВ. Сегодня утром я звонил тебе в Смольный. Но к телефону подошла не ты. Подошла другая женщина, забыл, как зовут... С двойной фамилией... Она ответила вместо тебя. Тебе это не кажется странным?

ДРАУЛЕ. Женщины с двойной фамилией имеют право отвечать за двоих.

НИКОЛАЕВ. И тебе не интересно, что она мне сказала?

ДРАУЛЕ. Нет.

НИКОЛАЕВ. Она сказала дословно: «Драуле вышла».

ДРАУЛЕ. Какой ужас!

НИКОЛАЕВ. А еще она сказала: «Драуле вернется. Все ее вещи здесь». (Плачет.) Все, Мильда. До единой. Я знаю, что ты мне изменяешь.

ДРАУЛЕ. Я делаю это ежедневно. Раздеваюсь догола в своем кабинете и иду через весь Смольный тебе изменять. (Садится на стул.) Я смертельно устала.

НИКОЛАЕВ. Ах, Мильда, Мильда. Я думал найти в тебе соратницу именно сейчас, когда жизнь стала невыносимой. Ты видишь, как они отклонились от ленинского курса. Сил нет терпеть, действовать надо. Застрелю-ка я товарищей Лидака и Чудова. (Дважды стреляет по мишени.) Или лучше Медведя Филиппа Демьяновича. (Снова стреляет.) Тем самым я обезглавлю эту банду. Ты пойми, что без Медведя они как без рук. Я войду в историю в одном ряду с Желябовым и

Перовской. Я им восстановлю ленинские нормы жизни!

ДРАУЛЕ. Ты? Войдешь в историю? Кишка тонка. Ты никогда никого не застрелишь. (Медленно и отдельно.) Ты никогда никого не застрелишь.

НИКОЛАЕВ (в ярости). Я же сказал, что убью Лидака и Чудова. Вместе с Медведем. (Трижды стреляет.) Во что они превратили партию, сволочи! Рыба, Мильда, гниет с головы. Разве с такими построишь коммунизм? С товарищем Кодацким, например? (Задумывается.) Товарища Кодацкого тоже пришить бы надо, а, Мильда? (Наклоняется к Драуле, прижимается к ней щекой.) Мильда... Какая у тебя кожа нежная. Какая ты рыжая...

ДРАУЛЕ (отстраняясь). Брось ты это, Николаев. Ни к чему.

НИКОЛАЕВ (в ярости). Ни к чему?! Вобла балтийская! Слова человеческого не скажешь. Смотришь на меня рыбьими глазами, рыба в тебе и кровь! «Брось!», «Ни к чему!». Я, если, к примеру, товарища Кодацкого и убью, первый же его и оплачу. Нет во мне равнодушия... Раздевайся!

ДРАУЛЕ. Это еще зачем?

НИКОЛАЕВ. Сама знаешь. Раздевайся!

ДРАУЛЕ. Нет, Николаев. Я, кажется, гриппом заболеваю. Для чего мне тебя, Николаев, заражать?

НИКОЛАЕВ. А мне не страшно.

ДРАУЛЕ. Мне страшно.

НИКОЛАЕВ (медленно). Я знаю, почему ты не хочешь. Очень хорошо знаю.

ДРАУЛЕ. Почему же ты тогда лезешь?

НИКОЛАЕВ. Потому что ты моя, и я могу делать с тобой все, что хочу! (Бьет Драуле по лицу, сам пугается, бросается к ней, но она его отталкивает.)

ДРАУЛЕ (тихо, с ненавистью). Ничтожество. Рост – метр пятьдесят.

НИКОЛАЕВ (испуганно). Метр пятьдесят, это правда, Мильда.

ДРАУЛЕ. Узкоплечий. Впалая рахитическая грудь...

НИКОЛАЕВ. В детстве я болел рахитом. До одиннадцати лет не ходил, только ползал по комнате. Отец умер, остались мы у матери втроем – я, Анна и Екатерина. Потом она родила Петра – уже от другого пролетария...

ДРАУЛЕ....и это существо смеет ко мне прикасаться. Ты посмотри на меня. Посмотри на мою грудь, на мои бедра. Ты думаешь, это – для тебя?

НИКОЛАЕВ. Мильда!

ДРАУЛЕ. Так ползи к этой самой матери с Анной и Екатериной, чтобы я тебя, гнида, не видела!

НИКОЛАЕВ. Я знаю, кто твой любовник!

ДРАУЛЕ. Короткие кривые ноги!

НИКОЛАЕВ. Твой любовник – Киров!

ДРАУЛЕ. Длинные руки. Болтаются, как плети, до колен достают!

НИКОЛАЕВ. Я этими руками вас обоих достану! Сначала его, потом тебя. Думаешь, я не знаю, почему нас сюда из Лужского района перевели? Откуда все эти спецпайки появились? Не с Медведя я начну, ох, не с Медведя! Отольются волку овечьи слезы, вспомнит он еще охоту в Лужском районе. Лаком ты, товарищ Киров, до чужого меда. А я зачем-то товарища Медведя застрелить думал. Филиппа Демьяновича. А теперь думаю – тебя. Уж я не промахнусь! (Стреляет в портрет Кирова.)

Сцена третья

Вечер. Квартира Кирова. В кабинет к Кирову входит врач.

КИРОВ. Проходите, товарищ Эскулап. Чихнешь раз, а они уже и врача вызывают.

ВРАЧ. Иной и чихнуть не успеет, а глядишь – ушел на два метра под землю. Цвел, так сказать, юноша вечер...

ГОЛОС С.-Т. Доктору до утра остаться велено. Нам нашего Мироныча беречь надо.

ВРАЧ. Береженого Бог бережет. Только ведь не веруют они в Бога-то. А что есть тело без духа? (Открывает сумку, раскладывает инструменты.) Мешок с говном. Как ты его лечить будешь? Раздевайтесь, товарищ Киров, до пояса. (Киров начинает раздеваться.) Теперь доктора другие. Порошок пропишут и – привет от старых штиблет. Не болезнь лечить надо, а человека.

КИРОВ. Это верно. Раньше, бывало, врач с больным поговорит, а потом уж все остальное.

ВРАЧ. Поговорить – это непременно. Скажите: «А-а-а».

КИРОВ. «А-а-а».

ВРАЧ (рассматривает горло Кирова, задумчиво напевая). Цвел юноша вечер... Так. Закройте рот.

КИРОВ (весело). Ну, что? Готовиться к смерти?

ВРАЧ (достает из кармана стетоскоп). Готовьтесь. Это никогда не помешает. Спिनной повернитесь.

КИРОВ. От чего же я, по-вашему, умру? От гриппа?

ВРАЧ. От гриппа – это вряд ли. Вас, скорее всего, застрелят. (Начинает прослушивать.) Дышите. Как пойдет падеж на руководящих работников, вас, я думаю, сразу же и застрелят. Пиф-паф. Не дышите.

КИРОВ. Не слишком вы большой оптимист, как я посмотрю.

ВРАЧ. Против такого профзаболевания медицина бессильна (прячет стетоскоп).

КИРОВ (задумчиво). Вот я не дышал сейчас, и показалось мне на минуту, что я умер. Вы ничего не заметили?

ВРАЧ. Пока нет. Если что – мы этого момента не пропустим, так что живите спокойно. Произведем вскрытие, напишем медицинское заключение.

КИРОВ. И что же вы обо мне интересного напишете?

ВРАЧ (измеряет давление). Интересного – ничего. Рутинка. Покойному 48 лет от роду, рост 168 сантиметров. Невысокий вы у нас вождь, товарищ Киров. Волосы на голове густые, черного цвета, с небольшой проседью. (Захватывает двумя пальцами волосы Кирова.) Длиною до 4-5 сантиметров.

КИРОВ. Тоже мне заключение о смерти! Да я таким и живой был.

ВРАЧ. Не обольщайтесь. Трупное окоченение хорошо выражено в мышцах нижней челюсти (показывает) и мышцах нижних конечностей. Покровы отлогих частей туловища, шеи и конечностей в темно-багровых трупных пятнах, исчезающих при надавливании пальцами. (Берет Кирова за руку.) Ногти рук синюшны.

Звонит телефон.

КИРОВ. Подождите-ка (идет к телефону).

ВРАЧ. Я-то подожду, а вот которая с косой – вряд ли.

КИРОВ. Киров на проводе.

В углу кабинета в полумраке вырисовывается фигура Сталина с телефонной трубкой в руке. В дальнейшем беседа теряет телефонный характер, и Сталин свободно перемещается по кировскому кабинету. Врач садится в дальнее кресло и становится частью фона.

СТАЛИН. Не спишь?

КИРОВ. Не сплю, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Это я другим товарищ, а тебе – друг. Совсем забыл бедного Иосифа.

КИРОВ. Я о тебе, Иосиф, постоянно думаю.

СТАЛИН. А может, лучших себе друзей нашел, а, Мирон? Которые среди ночи не звонят? Я ведь не обидчивый, ты знаешь.

КИРОВ. Да кто же у меня дороже тебя? Никого, Иосиф.

СТАЛИН. Только Мильда Драуле (смеется)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vodolazkin_evgeniy/muzey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)